

КОЕ-ЧТО О САМОМ СЕБЕ

Нелегко писать о самом себе: даже самое правдивое описание может быть заподозрено во лжи. Возможно, что и на самом деле нельзя достигнуть полной правдивости; ведь к сожалению никогда или почти никогда не имеешь ясного представления о самом себе.

Все-таки я попытаюсь, раз меня об этом просят.

Итак:

Появился я на свет летом, двадцать семь лет тому назад; моя мать, молодая девушка-пролетарка, поместила меня — повинуюсь не собственному желанию, а горькой нужде — в семье молодого кузнеца и исчезла.

Пролетарское детство. Не слишком прекрасное, не слишком грустное.

Народная школа. Нужно ли о ней писать?

Роспуск школы во время войны. Кузнец — отец, старый ландштурмист, лежал в окопах на русском фронте. Мне пришлось идти на фабрику. Я был мал и ужасающе слабосилен. Но какое до этого дело капиталистическому государству? Ты должен работать; ты выживешь или издохнешь, пролетарский детеныш!

В фабричной вонии и пыли я проработал все лето.

Осенью приемный отец был признан негодным и отпущен. Он достал мне место ученика, откуда я через год сбежал.

Снова фабрика. Газовый завод небольшого города. Затем завод военных снаряжений. Жизнь летит быстрее в налаженном ходу большой фабрики. Война длится долго. Становишься годным для стрельбы и для пушечного мяса и с опасением начинаешь думать о возможности «геройской смерти». При этом тобой овладевают сомнения: пьешь и философствуешь. Я пил, бродяжничал, рисовал, писал стихи и философствовал. Если мне не придется умереть на войне, я хотел стать «великим человеком».

Революция! — Спасен от «смерти героя»! Зашумел «Интернационал». Я тоже пою. Вступаю в союз молодежи. Но я не весь тут; любовные истории, танцы и «мечты» не дают мне быть активным. Только несколько лет спустя я взял нужный разгон.

Тем временем я давно уже не работал больше на военном заводе, а причалил — после периода безработицы и мелкой торговли — к большому химическому заводу. Величественный, твердый как камень ритм, окружающий меня ежедневно, выковал во мне мыслящего человека. В движении молодежи я участвовал со всем свойствен-

ным мне пылом. «Склонность» к стихотворству нашла вдруг во мне твердую почву. Я писал, не думая о том, чтобы когда-либо опубликовать свои работы. (Мечта о «великом человеке» была мною давно оставлена.)

Годы шли. Коммунистическая партия стала моим родным домом. Я был всегда пропагандистом. В поздние вечерние часы, ночами, во времена безработицы я читал и писал. В 1925 году появилась вдруг моя первая книга (стихи); я в этом не был нововен: кто-то из рабочего движения продвинул это дело. Книгу скоро предали забвению. Первое разочарование.

В это время я уже сошелся с подружкой-товарищем, и у нас был ребенок. И голод. И не было квартиры. И никакого выхода из положения. А вскоре я стал безработным. Но мы держались храбро.

И я писал.

Поэт товарищ Курт Клебер стал для меня той гаванью, где я мог найти приют; он бескорыстно поставил меня на ноги. Позже помог мне И. Р. Бехер. Оба они мои учителя — после великих учителей Маркса и Ленина. Я хочу учиться, постоянно у них учиться.

А сегодня? Я «свободный писатель» (читай, голодный художник, ведь я живу в свободнейшей из республик: в Германии). Я работаю, не в силу веры в свое призвание поэта, но из убеждения, что я как пролетарий обязан вести пролетарскую классовую борьбу. Я хочу сделать своими сочинениями то же самое, что делает коммунистический пропагандист на фабрике или заводе среди своих классовых братьев: агитировать и призывать к насильственному свержению капиталистического общественного порядка.

Революционный пролетарский поэт ответствен перед пролетариатом и перед революцией. Поэт, воспевающий интимные сердечные переживания (писать о которых однажды рекомендовал мне один «рабочий поэт»), пусть сгинет в мусорной яме мешанского общества.

Ганс Лорбеер

О РОМАНАХ М-МЕ ОЛИВИИ

«Если хочешь быть счастливым, — говорит Козьма Прутков, — будь им!» В сущности, как мало нужно для полноты филистерского счастья: мебель в чехлах, теплые носки и Оливия Уэдсли. Впрочем, летом теплые носки заменяются мягкими «шахматными» или Уильямом Локком.

Оливия Уэдсли придумана господом богом для того, чтобы филистеры всего